

Л.М. Попова

ПЕРВАЯ ВОДА АКАДЕМГОРОДКА

Защитив диплом в Московском геолого-разведочном институте по специальности «инженерная геология и гидрогеология», в августе 1957 г. я отправилась по распределению в Новокузнецк, в только что переведенное из Новосибирска Западно-Сибирское геологическое управление (ЗСГУ), отказавшись от приглашения работать на режимной Оползневой станции (г. Сочи), где проходила дипломную практику. Из двух предложенных мне вакантных мест я выбрала Новосибирск, по совету главного гидрогеолога ЗСГУ Марии Алексеевны Кузнецовой (родная сестра наших академиков Ю.А. и В.А. Кузнецовых), и 2 сентября 1957 г. была оформлена старшим коллектором в Бердскую партию Комплексной экспедиции, которая вела работы по поискам источников водоснабжения для будущего Академгородка.

К вечеру того же дня я оказалась за 30 км от Новосибирска на берегу Обского водохранилища, где стояли три палатки и одна буровая установка (КАМ-500). Начальник партии, с которым я приехала, представил меня бригаде буровиков: «Молодой специалист из Москвы... будет у нас работать гидрогеологом. А вот ваша палатка, пока в ней продукты хранятся». Иду к палатке и слышу вдогонку тихое: «Стиляга!» – на мне были слегка зауженные брюки. Весь коллектив партии состоял из трех ИТР (начальник партии, техник-буровик и старший коллектор) и двух смен рабочих-буровиков. Все жили в Новосибирске и на выходные дни уезжали домой, а «стиляга», то есть я, оставалась в лагере одна стеречь имущество партии.

Вскоре была сформирована третья смена буровиков, и со дня на день ожидался монтаж еще одной буровой для круглосуточной работы в три смены по 8 часов в день: к ноябрьским праздникам необходимо было получить предварительный результат о водоносности выбранной площадки. Для этого предстояло разбурить куст четырех-пяти скважин глубиной 20–25 м, чтобы осуществить пробную откачку подземных вод. А пока были пройдены первые метры первой разведочной скважины.

В конце октября была проведена первая пробная откачка, результаты которой позволили нам в канун 7 ноября отправить телеграмму: «Москва. Кремль. Вода для Академгородка найдена!» Но до полного завершения работ надо было пережить очень холодную зиму и выполнить большой объем исследований. А пока мы жили на берегу водохранилища в палатках. Холода давали о себе знать, поэтому коллектив партии временно расселили в бывшей казарме, неотапливаемой и защищавшей нас лишь от ветра, постоянно дующего с водохранилища. Это здание и поныне стоит рядом с железной дорогой у пос. Кирова.

В маленькой комнатухе два на три метра разместили меня и двух студенток-практиканток из техникумов. Спали на нарах в старых спальниках, прижавшись друг к другу от холода. В большой проходной комнате на полу ночевали буровики. Там втроем (остальные уехали по домам) мы встретили сороковую годовщину Великого Октября, сбежав за едой и прикупив, не скрою, бутылку славного напитка «Рябина на коньяке». Нам было тепло и весело, и никаких обид на неустроенность быта. В середине ноября холода поджали, выпал снег и нас разместили по квартирам в пос. Кирова. От него до наших скважин стало дальше и труднее добираться. Ходили пешком по шпалам – наикратчайшей и свободной от снега, но небезопасной дороге: если шел состав, надо было прыгать в сугроб, иначе снесет потоком воздуха.

Я выполняла работу старшего коллектора (документирование керна, поднятого из скважин). Кроме того, на мне лежала обязанность нормировщика, табельщика, гидрогеолога, подписание актов случавшихся аварий, простоев и т. д. Работали без выходных в три смены, и если на скважине случалась авария в ночную смену, за мной присылали «мальчишку» – младшего рабочего шестнадцати лет, который, посту-

Пошла первая вода Академгородка! В центре – гидрогеолог Л.М. Попова. 1958 г.

чав в окно, будил меня: «Михална, на скважине прихватило снаряд», – и убежал. Я, преодолевая страх, шла ночью, составляла акт поломки и оставалась на буровой до утра. Через час уже мерзла и, чтобы согреться, просила у мастера разрешения встать за рычаг станка – «побурить». Эта практика однажды помогла мне закончить бурение последней, самой глубокой скважины (70 м).

Дело было так. Весна 1958 г., работа идет к концу, осталось добурить последнюю скважину в пределах городка, чтобы удостовериться в отсутствии иного водоносного горизонта, а тут выдали зарплату, ну и, понятно, вся смена не вышла. Вся, кроме сменного мастера и меня. Решили, что я встану за станок опускать буровую колонку (60 м), а мастер будет выполнять тяжелую работу со штангами, готовя их к спуску. Так мы вдвоем завершили бурение последней скважины, но она оказалась «сухой» – водоносного горизонта в ней не встретили, что и требовалось подтвердить. Сохранился патрубок этой скважины – железная труба диаметром 6–8 дюймов, закрытая заглушкой и торчащая из земли на полметра в левой стороне перекрестка Морского проспекта и ул. Жемчужной, за бывшей будкой ГАИ. Вот бы эту заглушку скважины облагородить и сделать достопримечательностью городка!

С наступлением весеннего тепла работа оживилась. Буровая молодежь, свободная от смены, стала изучать окрестности нашей площадки. Однажды ребята сообщили мне, что недалеко от наших мест наткнулись на домик, возле которого какой-то дед рубил дрова. Они предлагали сходить с ними туда и самой убедиться, что не врут, но мне не удалось найти время для этой прогулки, о чем сожалею до сих пор. Позже я, конечно же, узнала, что это был домик М.А. Лаврентьева, а «дед» – сам академик, которому в то время было лишь 57 лет. Двадцатилетним ребятам он легко мог показаться дедом.

Стройка города науки гремела на весь Союз, все стремились побывать здесь и увидеть все своими глазами. Как-то раз нашу буровую у водохранилища посетил прототип главного героя очень популярного в то время романа В.Н. Ажаева «Далеко от Москвы» и снятого по нему кинофильма. Высокий красивый грузин очень эффектно смотрелся на нашем фоне, а ребят-буровиков впечатлил галстуком с драконами – по тем временам атрибут диковинный и принадлежность стильных людей.

Нас не беспокоили журналисты, не было шумихи и пустозвонства, а вот деловые люди и ученые нас посещали. Одной из них была Е.Д. Горбачёва, жена чл.-кор. АН СССР, зам. председателя СО АН – не помню ее должности. Она неоднократно приезжала к нам по службе и интересовалась продвижением наших работ. Ей мы обязаны тем, что вовремя удалось установить печальный факт повышенного содержания железа в подземных водах, недопустимого для питьевых вод.

Откачка воды подходила к завершению. Необходимо было в последний раз отвезти пробы в химлабораторию Комплексной экспедиции в Новосибирск. Предыдущие пробы воды, отобранные на протяжении всей откачки, соответствовали нормам ГОСТа для питьевых нужд. Пробы мы возили на попутках, а в этот раз нас выручила приехавшая Е.Д. Горбачёва. Она дала свой ЗИМ, и мы, отобрав воду, тотчас увезли ее в лабораторию, где сразу проанализировали. Получаем результаты и глазам своим не верим: содержание общего железа – недопустимо высокое и, в отличие от предыдущих проб, по ГОСТу не проходит. По-видимому, длительная транспортировка проб в химлабораторию (попутные машины иногда приходилось долго ждать) позволяла двухвалентному железу окисляться до трехвалентного и выпадать в осадок. Таким образом, мы получали заниженные содержания железа в подземных водах Академгородка.

Что делать? Стройка идет полным ходом, вода найдена, но ее качество под большим вопросом. А водоснабжение было ориентировано только на подземные воды, как самые чистые и безопасные в санитарном отношении. На протяжении всей работы по поискам воды нас регулярно курировал известный в Сибири специалист-гидрогеолог С.Г. Бейром. Водоснабжение городка во многом обязано ему. Он напомнил, что в Китае все непригодные из-за высокого со-

Л.М. Попова

держания железа воды проходят стадию аэрирования, т. е. окисления двухвалентного железа до трехвалентного. Выпавший осадок удаляли и воду употребляли для питья. По этой причине в окончательном отчете по водоснабжению Академгородка подземными водами было рекомендовано ввести в технологическую цепь аэраторы, что в дальнейшем и было сделано со значительной задержкой.

Весной 1958 г. нам сказали, что приедет академик С.А. Христианович с большой свитой ученых и деловых людей, чтобы ознакомиться с ходом строительства Академгородка. Осмотр начинался с наших скважин, затем – по бетонке Академической улицы (ныне Морской проспект). Грязь там была непролазная. Добравшись до строившегося Института гидродинамики, где намечился уже первый этаж, кавалькада остановилась, и гости пообщались со строителями.

Дальше бетонка кончилась, и все пошли пешком по будущему проспекту Лаврентьева. Ходьба для меня была тяжеловатой, поскольку резиновые сапоги увязали в густой грязи и часто без посторонней помощи их невозможно было вытащить. Потом процессия свернула налево, и все остановились у покосившегося колышка с прибитой дощечкой, на которой от руки, коряво черной краской было написано «Ин-т геологии». Кто-то обратился к малоприметному мужчине небольшого роста, дескать, вот ваш институт. Мужчина подошел к колышку, поправил его и под общее одобрение вдавил сапогом в землю, чтобы стоял надежно. Это был академик Андрей Алексеевич Трофимук.

Тогда я не думала, что через год буду работать в этом самом институте, в 1961-м перееду в здание, построенное на том месте, где раньше стоял колышек, и уже более 50 лет буду пить ту самую воду, которая так нелегко далась. Эта была моя первая самостоятельная работа, было очень трудно, но те дни относятся к самым интереснейшим и ярким дням моей жизни.

***Попова Лидия Михайловна** – науч. сотрудник отдела геохимии, ветеран ИГиГ (работала в 1959–1992 гг.), ныне пенсионерка*